

Г. М. Маматов

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА СТИХОТВОРЕНИЯ
П. А. ВЯЗЕМСКОГО «ПОМИНКИ ПО БОРОДИНСКОЙ БИТВЕ»**

Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию 17.10.2022 г.

Принята к публикации 26.11.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-6

60

Для цитирования: Маматов Г. М. Жанровая специфика стихотворения П. А. Вяземского «Поминки по Бородинской битве» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. № 2. С. 60–74. doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-6.

Рассматривается жанровая природа стихотворения П. А. Вяземского «Поминки по Бородинской битве». Исследуются его связи с жанрами оды и элегии. Стихотворение имеет черты традиционной оды эпохи классицизма, во многом перекликающиеся с поэтикой батальной оды: восхваление великого исторического события и победы русского оружия (Бородинского сражения) и полководцев (Милорадовича, Кутузова), красочное описание боя, некоторые тропы и фигуры (риторические восклицания, метафоры), образ лирического героя-наблюдателя, эффект присутствия, эпичность повествования. В то же время стихотворение посвящено не столько великому сражению, сколько смерти друга поэта и других воинов, павших в бою. Тема смерти становится в стихотворении Вяземского главной, а некоторые элементы произведения демонстрируют его жанровую близость с элегией на смерть. Важным моментом является то, что «Поминки по Бородинской битве» возможно рассматривать и как документальное стихотворение, в котором отразились впечатления поэта-воина, описанные им несколько позже в мемуарах «Воспоминания о 1812 году».

Ключевые слова: П. А. Вяземский, ода, элегия на смерть, мемуары, жанр, батальная поэзия, классицизм, метафора

Лирика поэта «пушкинской поры» П. А. Вяземского весьма глубоко изучена в отечественном литературоведении. Исследователей интересуют такие темы, как философия творчества и эстетические принципы его поэзии [2; 11], особенности языка [3; 12; 15], специфика пейзажной лирики и философия природы [20]. Важным вопросом в науке остается связь Вяземского с А. С. Пушкиным [9; 21]. Наименее изучена в данном контексте жанровая специфика поэзии П. А. Вяземского, особенно в произведениях, посвященных Отечественной войне против Наполеона 1812 г., в которой поэт принял непосредственное участие и был ветера-

ном Бородинского сражения¹. Уже в начале боевых действий Вяземский пишет послания В. А. Жуковскому (1813) и Д. Давыдову (1814), но самым серьезным осмыслением воинского опыта для поэта станет стихотворение «Поминки по Бородинской битве», которое он напишет в 1869 г. как поэтическую прелюдию к мемуарам «Воспоминания о 1812 году». В предисловии к тексту «Воспоминаний» он отмечает: «Писанное мной стихотворение “Поминки по Бородинской битве” дало мне мысль перебрать в голове моей все, что сохранилось в ней из воспоминаний о том времени. 1812 год останется навсегда знаменательною эпохою в нашей народной жизни» [4, с. 17]. Этим обусловлена крайняя близость обоих текстов даже на уровне фабулы: некоторые фрагменты, описанные в мемуарах, воссозданы изначально в стихотворении.

Данное стихотворение представляет несомненный интерес с точки зрения своего жанра. Следует выделить близость «Поминок...» к оде. На наш взгляд, стихотворение особенно сильно связано с традициями батальной оды — жанра, характерного для творчества Г. Р. Державина, произведения которого поэт осмысляет в некрологе «О Державине» (1816). Особенно он отмечает батальные произведения классициста («Осень во время осады Очакова», «На походы в Персию»): «Настоящие дни, обильные грозными бурями и величайшими подвигами народного мужества, были свидетелями заката его гения, удрученного летами. Но подвиги сынов Суворова часто пробуждали от сна его песнопевца и извлекали из лиры, уже охладевшей, звуки, достойные минувших дней» [6, т. 2, с. 3]. Вяземский перенимает у Державина гармоничное соединение батальных сцен с панегирическим пафосом.

Формально «Поминки по Бородинской битве» состоят из четырех частей. Первая посвящена изображению М. А. Милорадовича, во второй описываются Бородинская битва и М. И. Кутузов во время сражения, третья и четвертая являются воспоминаниями, поминками по двум боевым товарищам Вяземского — П. П. Валугеву, погибшему на поле, и Д. Г. Бибикову, потерявшему руку во время битвы. Из них первая, вторая и четвертая представляет собой явное переосмысление жанра батальной оды.

Однако особенно ярко одическое начало проявляется в финале второй «военной» части, оканчивающейся восхвалением сражения: «Грозный день сей Бородинский, / Им и нам в почет равно: / Славься битвой исполинской, / Славься век, Бородино!» [4, с. 6]. Поэт использует типичные для оды побудительные конструкции из повторяющегося глагола в форме императива со значениями «слава», «гордость». Торжественность усилена употреблением анафоры и риторического восклицания «Славься век, Бородино!». А. Н. Ратников пишет, что батальная ода Державина опирается на панегирическую традицию, восходящую к литературе петровской эпохи [17, с. 127]. На наш взгляд, к одической державинской поэтике, в которой еще сильна приверженность к геральдической традиции XVIII в., отсылает и образ орла, который у Державина символизировал Россию [17, с. 128]: «Мыслью он парит над битвой, / И его орлиный взгляд / Движет волею и силой / Человеческих громад»

¹ Подробнее о боевом опыте П. А. Вяземского см. работу В. М. Медведевой [14, с. 38–40].

[4, с. 3]. Также Вяземский использует важную для од Державина символику светил, но в «Поминках» упоминание солнца не маркирует одну из сторон конфликта, огненная звезда — это аллегория великих битв с Наполеоном, Аустерлицкого и Бородинского сражений: «Но бледнеет это солнце / И течет на запад свой: / А взойдет другое солнце / Над пылающей Москвой» [4, с. 4]. Важно использование омонимичной рифмы «солнце — солнце» в приведенном отрывке. Здесь поэт подчеркивает различность этих солнц, причем второе дневное светило, знаменующее не только пожар в Москве и Бородинскую битву, а всю Отечественную войну, является более ярким, триумфальным событием по сравнению с ушедшей в историю битвой при Аустерлице (1805). Панегерические черты проявлены в описании боя с бравадой и бравурным восторгом, что также подчеркивается восклицаниями: «День настал! Мы ждали битвы, / Все возрадовались ей: / Шли давно о ней молитвы / Приунывших усачей» [4, с. 4–5]. Причем от лица героя-солдата Вяземский использует иронию, воинский юмор по отношению к боевым товарищам.

Еще одна важная черта батальной оды не только у Державина, но и у других поэтов-классицистов (М.В. Ломоносов, В.П. Петров), которая проявляется в «Поминках по Бородинской битве», — описание ужасов войны. На это часто обращает внимание при изучении русской оды Н.Ю. Алексеева [1, с. 181, 291–293, 296, 352]. Классицисты для большей выразительности и грандиозности описывали кровавые сечи, трупы, всевозможные кошмары, несомые стихией войны. У Вяземского война также подразумевается как ад, на что указывают inferнальные и огненные метафоры, описывающие оружие: «И сердито землю роя / Адским огненным волчком, / Не затронуло героя, / Но осыпало песком» [4, с. 1], «А его молниеносцы / Ждут внимательно кругом, / Чтоб по слову полководца / Зарядить крылатый гром» [4, с. 4]. Тема огня возникает в первой и второй «батальных» частях «Поминок...» постоянно: «...над пылающей Москвой», «Пламя дум, грозой созревших / В битве закаленных дум. / Он их молча вопрошает / Сквозь пальбу, огонь и шум» [4, с. 3]. В тексте акцентируется интенсивность боя, его inferнальная природа и в то же время самоотверженность воинов-героев с обеих сторон, что доказывает следующий фрагмент:

И на пир веселый словно
Каждый радостно летит,
Будь у каждого три жизни,
Он всех трех не пощадит.

Никогда еще в подлунной
Не кипел столь страшный бой:
Из орудий ад чугунный,
Разразившись, поднял вой;

Целый день не умолкает,
Извергая смерть кругом;
Строй за строем исчезает
Под убийственным огнем.

Но пылают мщенья гневом
Снова свежие ряды,
Свежей кровью и посевом
Смерть плодит свои бразды.

Словно два бойца во злобе,
Набежала рать на рать;
Грудью в грудь вломились обе,
Чтоб противника попрать.

Но победа обоюдно
То дается нам, то им;
В этот день решить бы трудно,
Кто из двух непобедим.

Крепнет боевая вьюга,
Все сильнее растет она,
И вцепившихся друг в друга
Разнимает ночь одна [4, с. 5].

В этом фрагменте битва описана чрезвычайно красочно. Поэт использует градацию, сражение с французами показано многогранно. Оно воспринимается как веселый пир, что можно объяснить психологией юноши-солдата, жаждущего проявить свой героизм на поле боя. Эмоциональная взволнованность подчеркнута использованием гиперболы: «Будь у каждого три жизни, / Он всех трех не пощадит». Затем появляется иное настроение, состояние героя меняется от бравады к осознанию ужаса происходящего, ведь битва — чугунный ад, в грохоте орудий извергающий гибель. Поле боя становится местом пахоты смерти, собирающей свою кровавую жатву, в итоге битва при Бородине осмыслена как смертоносная стихия, «боевая вьюга». Но в данном случае Вяземский нарушает главную идею классицистической оды: в его стихотворении нет разделения на добрых и злых героев при описании обычных воинов. Он восхваляет как русских, так и французских солдат, для которых Бородинская битва — тоже почет и великое событие. Обе армии непобедимы. Ранее французов он назовет покорителями мира («Против нас, дружины, — ужас / Завоеванных земель, / Записавшие победу / С давних лет в свою артель» [4, с. 4]). Но уважение к сильнейшему врагу подчеркивает восхищение перед русской армией, одолевшей сурового противника. Поэт называет русские войска дружиной, ратью, связывая их с древнерусским воинством и былинными богатырями.

Рассмотрим пятую строфу приведенного отрывка: «Словно два бойца во злобе, / Набежала рать на рать; / Грудью в грудь вломились обе, / Чтоб противника попрать» [4, с. 5]. Поэт использует для усиления эффекта присутствия и для напряжения синекдоху, во многом схожую с пушкинской поэмой «Полтава» (1828–1829), что говорит о влиянии и пушкинской поэзии. Причем у А. С. Пушкина описание битвы между русским и шведским войсками подчеркивается образами ада, шума и оружия: «Швед, русский — колет, рубит, режет. / Бой барабанный, кли-

ки, скрежет, / Гром пушек, топот, ржанье, стон, / И смерть и ад со всех сторон» [16, т. 3, с. 229]. Смерть у Вяземского в батальных сценах антропоморфна. Это и жнец, собирающий кровавую жатву, и ловец, который хватает воинов и гонцов («От вождя к вождю обратно / Мчатся быстрые гонцы, / Но иного безвозвратно / Смерть хватает на лету» [4, с. 4]). Все это передано в динамике, поэт стремится к созданию реалистичной и детализированной картины боя глазами не наблюдателя, а участника битвы, поэтому ужасы войны показаны в стихотворении фрагментарно, лирический герой находится в движении, он как бы скачет на коне по полю боя, наблюдая различные его части. При этом можно утверждать, что картина сражения представлена с эпическим размахом, Вяземский создает огромную панораму, подобно живописцу-баталисту. Отметим характерное для оды описание реальных исторических героев. Поэт посвящает весомую часть оды портретам Милорадовича и Кутузова. В отличие от традиционной оды, он показывает полководцев без излишнего восхваления и античной символики. Первая часть «Поминок...» — портрет Милорадовича:

Милорадовича помню
В битве при Бородине:
Был он в шляпе без султана
На гнедом своем коне.
Бодро он и хладнокровно
Вел полки в кровавый бой,
Строй за строем густо, ровно
Выступал живой стеной.
Только подошли мы ближе
К средоточию огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Перед ним, к ногам коня,
И, сердито землю роя
Адским огненным волчком,
Не затронуло героя,
Но осыпало песком.
«Бог мой! — он сказал с улыбкой,
Указав на вражью рать, —
Нас завидел неприятель
И спешит нам честь отдать» [4, с. 1–2].

Данная часть полностью повторяет описание Милорадовича в тексте мемуаров: «Вскоре потом ядро упало к ногам лошади Милорадовича. Он сказал: “Бог мой! видите, неприятель отдает нам честь”» [4, с. 42]. В данном случае подчеркивается не возвышенность образа генерала, как это возможно в оде, а его близость к обычным солдатам. Очевидно, что портрет Милорадовича необходим Вяземскому в стихотворении, чтобы показать такие черты характера полководца, как юмор, смелость, уважение к воинам.

Совершенно иначе построен портрет М. И. Кутузова. В этом случае Вяземский более близок одической традиции:

И Кутузов предо мною,
Вспомню ль о Бородине,
Он и в белой был фуражке,
И на белом был коне.

Чрез плечо повязан шарфом,
Он стоит на высоте,
И под старцем блещет ярко
День в осенней красоте.

Старца бодрый вид воинствен,
Он сред полчищ одиноков,
Он бесстрастен, он таинствен,
Он властителен, как рок.

На челе его маститом,
Пролетевшею насквозь
Смертью раз уже пробитом,
Пламя юное зажглось.

Пламя дум грозой созревших,
В битве закаленных дум,
Он их молча вопрошает
Сквозь пальбу, огонь и шум.

Мыслью он парит над битвой,
И его орлиный взгляд
Движет волею и силой
Человеческих громад [4, с. 3].

Образ Кутузова рельефен и величествен. Если Милорадович с войском, то Кутузов *над* ним. Пространственная перспектива смещается снизу вверх. Уже в первой строфе Кутузов показан как бы над землей: «Он на белом был коне». Важен и упомянутый белый цвет фуражки и коня, отражающий величие и свет как характеристики Кутузова и всего русского войска, которым он управляет. В следующем катрене образ Кутузова еще более величествен. Он стоит на высоте, подобно некому верховному божеству, гению войны, который создает ее ход. Большой, грандиозный масштаб представлен в строках «И под старцем блещет ярко / День в осенней красоте». Перед Кутузовым склоняется весь мир, осенняя величественная природа. Последующие строфы также восходят к оде, они восхваляют русского полководца, показывая его и как гениального стратега и мудрого воина, и как старца, который молодеет, преображается во время боя, и как, по сути, бога, управляющего судьбами армии. От него зависит исход великой войны. При этом Вяземский для реалистичности этого портрета вводит в описание реальный факт отсутствия глаза, который Кутузов потерял во время русско-турецкой войны (1768 – 1774) при осаде Алушты.

После описания Кутузова Вяземский создает образ Наполеона. В этом отрывке стихотворение оказывается очень близко к оде с ее традиционным противопоставлением добра и зла. Н.Ю. Алексеева при анализе од Ломоносова и Хераскова отмечает: «Борение тишины с шумом, света с тьмою в одах Ломоносова отражает суровое библейское понимание мира, согласно которому борьба добра со злом постоянна. Восприятие происходящего как проявления великой, вселенской борьбы сообщает его изображению крайнее напряжение, поскольку, как в борьбе Бога с дьяволом, столкновение добра со злом всякий раз мыслится как решающее и последнее сражение» [1, с. 266–267]. Кутузов в облике мудрого старца на белом коне противопоставлен Наполеону, названному врагом. Поэт не упоминает его имя, но вводит аллюзии на изгнание корсиканского полководца на остров Святой Елены, что акцентирует внимание на поражении врага, напавшего на Россию: «К острову Святой Елены, / Здесь проложен первый шаг, / И Кремля святые стены / В казнь себе усвоит враг» [4, с. 4].

Итак, проанализировав первую и вторую части «Поминок по Бородинской битве», мы можем сделать следующие выводы. Вяземский усваивает художественные принципы русской оды. Он использует некоторые приемы риторики (восклицания, метафоры, гипербола), восхваляет битву как пример славы и величия русского оружия, солдат и особо возвеличивает Кутузова. Близость к оде создает и концовка второй части, и четкое разделение на добро (Кутузов) и зло (Наполеон). Значимо красочное описание сражения и смерти на поле брани, близкое как к оде, так и к пушкинской лироэпике. Однако стихотворение Вяземского существенно разнится с традиционной одой. Во-первых, его герой – воин, видящий и как бы на лету записывающий события великого сражения; во-вторых, стихотворение восхваляет подвиг русского солдата, отдавшего жизнь на поле брани; в-третьих, язык «Поминок...» отличается от языка батальных од Державина и Ломоносова. Для предшественников было характерно использование традиционных аллегорий и метафор, различных языковых средств и приемов, отсылок к античной мифологии [17, с. 128]. Очевидно, что в русских батальных одах пышность языка является неотъемлемой частью поэтики. Приведем лишь два примера, первый – из «Оды... Елисавете Петровне... на пресветлый торжественный праздник... восшествия на Всероссийский престол ноября 25 дня 1761 года» М.В. Ломоносова по случаю победы России над Пруссией в ряде боев Семилетней войны, второй – из «Осени во время осады Очакова» Г.Р. Державина:

Бегущих горды пруссов плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сечи.
Главы валяются, как листья,
Теперь с готовыми трубами
Перед берлинскими вратами

Победы нашей дайте звук.
Что ваш король, полки, снаряды
Не могут вам подать отрады,
Рассыпаны от наших рук ([13, с. 154].

Мужайтесь, росски Ахиллеса,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стикс не погружались,
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Держайте ваших след отцов!
И ты спеши скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр [8, с. 123].

Вяземский создает произведение, безыскусное по своему стилю. Если герой Державина — пиит, не участвовавший в битве, для которого значима и античная традиция, важная в панегерической лирике классицизма, то герой Вяземского сам прошел через ужас Бородинского сражения, потому язык стихотворения приближен к простой солдатской речи с большим количеством разговорной и бытовой лексики.

Еще одно отличие от оды состоит в использовании четырехстопного хорей. С одной стороны, данный размер создает впечатление чеканного солдатского шага, марша с четким акцентом на первом икте. Но, с другой стороны, в классической традиции русской поэзии (трактат «Письмо о правилах российского стихотворства» М. В. Ломоносова) для оды наиболее привычным размером был ямб, тогда как хорей вместе с дактилем характеризуется как «падающий» размер, подходящий для описания иных явлений: «Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако, поднимаясь тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учинил. Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилев составленные, стихи к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий быть видятся» [13, с. 470]. Разграничение на возвышенный и ниспадающий размеры органично в поэзии XVIII в., ко временам Вяземского традиция меняется. Использование четырехстопного хорей с перекрестной рифмой связано и с маршем и солдатским шагом, имеющими четкий удар на первые слоги, и с семантическим ореолом четырехстопного хорей у Пушкина и у самого Вяземского. М. Л. Гаспаров отмечает, что четырехстопный хорей имеет своим истоком песню, причем одним из возможных вариантов этой песни является эпическая национальная песнь: «Эта связь с песней варьируется приблизительно следующим образом, на четыре лада. Во-первых, — народная песня, причем не только лирическая, а и эпическая... хорей ощутимо противостоит ямбу как метр национальный, народный — метру заемному и книжному» [7]. Важно и наблюдение К. Ф. Тарановского об эпичности четырехстопного хорей: «Из всех хорейских размеров русской поэзии 4-ст хорей — самый распространенный и популярный. В крупных произведениях это размер сказок... и баллад... Во второй половине XVIII века 4-ст хорей появляется и в

виде размера с нерифмованными дактилическими окончаниями, свойственными народному стиху “былин”. Такой ритм используется для стилизации народных эпических песен» [19, с. 61]. У Державина этот размер появляется также в торжественных гимнах, в чем он, как и Вяземский, уходит от традиций классицизма. В стихотворении «Поминки по Бородинской битве» возникают сразу несколько тем, которые маркируются в русской лирике данным размером: эпическая, темы боя, смерти и плача, а также наиболее значимая для поэта элегическая тема воспоминаний о прошлом. В стихотворениях Вяземского, написанных четырехстопным хореем, этот размер связан с упомянутыми мотивами. В «Поминках...» это тоже грусть по прошлому и друзьям-поэтам: «Все мне памятно и живо. / Прикоснетесь вы меня, / Словно вызовет огниво / Искр потоки из кремня» [5, с. 376]. Но у поэта встречается несколько стихотворений, где тема воспоминаний и дум соединена с мотивами дороги и движения:

Были годы, было время —
Я любил пускаться в путь;
Дум домашних сброшу бремя
И лечу куда-нибудь.
<...>

Мчатся удалые кони,
Режут воздух на лету;
В этой ухарской погоне
И в мороз они в поту.

(«Дорогою» [5, с. 349]).

Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика,
Зимней степи сумрак скучный,
Саван неба, облака!
И простертый саван снежный
На холодный труп земли!
Вы в какой-то мир безбрежный
Ум и сердце занесли.

И в бесчувственности праздной,
Между бдения и сна,
Вглубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.
Мне не скучно, мне не грустно, —
Будто роздых бытия!
Но не выразить изустно,
Чем так смутно полон я.

(«Дорожная дума» [5, с. 267])¹.

В стихотворении «Поминки по Бородинской битве» традиция развивается, но уже в другом аспекте. Поэт контаминирует мотив элегического размышления с одическим восхвалением русского оружия и великой победы. Причем делает он это очень резко. Если первые две части по-

¹ Подробнее о четырехстопном хорее у Вяземского см. работу Т. Степанищевой [18, с. 215–216].

священы полководцам, битве, армии, представляя собой размышление о прошлом, воспоминание, то в третьей и четвертой частях возникают воспоминания о собственном участии в битве и патриотических порывах, которыми Вяземский руководствовался, отправляясь на фронт. Происходит смещение с общего, национального к личному и частному: «Нет, нагрянула невзгода, / И я – барич, я – Москвич, – / Я услышал глас народа, / Божий глас и царский клич» [4, с. 7] и элегические размышления и плач над смертью друга поэта, П. П. Валуева, о котором в мемуарах П. А. Вяземского сказано немного: «Но бедный Валуев вскоре потом был в самом деле убит» [4, с. 44], в отличие от стихотворения, где гибели кавалергардского офицера посвящено семь четверостиший:

Окровавленный он сброшен
С опустевшего седла;
Лавр и мирт внезапно скошен,
Жизнь внезапно отцвела.

Уж давно молва забыла,
Что он жил, что был убит:
Безымянная могила
Неизвестный прах таит.

Кто отыщет в поле битвы,
Смертью вспаханном кругом,
Место, где слезу молитвы
И любви пролить о нем?

Нива смерти жизнью свежей
Равнодушно заросла,
И все глуше и все реже
Власть про старые дела.

Но твой образ, витязь юный,
Восстает передо мной,
И созовьем сердца струны
Окликаются с тобой [4, с. 9].

В отличие от предыдущих частей, здесь задается более траурная и минорная тональность. Это «похоронный марш» по «неизвестному солдату», чья могила исчезла на поле сражения. В данном случае необходимо обратиться к теоретическим основам жанра *элегии на смерть*. Согласно В. Козлову, одна из важнейших особенностей этого жанра в романтизме – явление фигуры умершего, причем, в отличие от кладбищенской элегии, плач элегического субъекта посвящен реальному знакомому: «Элегия на смерть может быть довольно близка “кладбищенской”, но... в всегда пишется на смерть одного человека. Это не воображаемый незнакомец, судьбу которого пытается представить оказавшийся у погоста поэт, а человек, которого субъект элегического высказывания более или менее хорошо знал. <...> “Явление” умершего в элегии на смерть так или иначе происходит постоянно – при этом оно мотивируется психологически, а не сверхъестественно, как тот же сюжет, например, толкуется балладой» [10, с. 73–76]. В «Поминках...» можно говорить о

вставной элегии на смерть. Герой плачет из-за героической гибели боевого товарища. Поэт вводит несколько причин для страдания лирического субъекта: молодость убитого юноши, не сумевшего полностью реализовать себя в жизни, что метафорически обыгрывается сравнением со скошенными лавром и миртом, символизирующими триумф и молодость и выступающими в этом контексте типичными поэтизмами; забвение после смерти; неизвестность погибшего воина из-за захоронения в братской могиле. Но сам друг появляется перед ним как призрак и воспоминание: «Но твой образ, витязь милый, / Восстает передо мной» [4, с. 9], что не выглядит абсолютно трагическим финалом. В данном случае можно утверждать, что Вяземский вводит аллюзии не только на жанр элегии на смерть, к которой близок описываемый фрагмент, но и на кладбищенскую элегию. Как утверждает В. Козлов при анализе стихотворения Пушкина «Гроб юноши» (1821), в кладбищенской элегии оплакивается не конкретный герой, а целый общественный пласт, маркируемый его фигурой: «...при прочтении оказывается, что юноша вовсе не конкретен — это типовой персонаж разочарованного молодого человека, вбирающий черты круга, к которому принадлежит лирический субъект» [10, с. 79]. На наш взгляд, в фигуре Валуева, которому уделено много места в стихотворении, оплакивается поколение современников поэта, потерявшее многих из своих рядов в войне с Францией, а те черты, которые герой выделяет в убитом друге, являются типичными для большинства погибших молодых солдат.

После элегического фрагмента следует большое повествование, полностью повторяющее случай, описываемый в «Воспоминаниях»: «Когда ранили лошадь подо мною, неизъяснимое чувство то радости, то самодовольствия пробудилось во мне и меня воодушевило. Мне в эту минуту сдалось, что я недаром облачился в казацкий чекмень. <...> Когда был я в недоумении, что делать, опять явился ко мне добрый человек и выручил меня из беды. Аджютант Милорадовича, Д. Г. Бибиков, сжалился надо мной и дал мне свою запасную лошадь. Но и ему за оказанное одолжение не посчастливилось: вскоре затем ядром оторвало у него руку. Спустя немного времени после сделанной ему операции видел я его: он был спокоен духом и даже шутил» [4, с. 45].

В стихотворении этот эпизод описан следующим образом:

Был и тот не долговечен,
И как-раз ядром одним
Был Бахметев в ногу встречен;
Конь мой пал, и я под ним.

Тем покончился смиренно
Мой воинственный поход!
Но в преданьях незабвенно
Свят двенадцатый мне год.

С той поры умчало время
Много лиц, событий, лет;
Разрослось другое племя,
И чего не видел свет!

Но в полете быстrokрылом
Время избранных щадит:
Бородинским, юным пылом
Грудь твоя еще горит.

В день борьбы за Русь святую
Ты руки не пощадил,
А в дни мира ей другую
Гражданином посвятил.

И к отчизне, и к престолу,
Снова возгорев огнем,
Верный совести глаголу,
Шел ты с ней ее путем.

Людам свойственны ошибки:
Ошибаться мог и ты,
Но ты не был флюгер гибкий
У вертлявой суеты.

Часто, и с двумя руками,
Мест и почестей ловец
Не сведет концов с концами,
Обессиленный делец.

Раз принявшись за дело,
Не боялся ты трудов,
И одной рукой смело
С злом бороться был готов.

У иных — пример не новый —
«Две огромные руки»,
На себя служить готовы,
И проворны, и легки;

А на выручку страдальца,
Если в помощь их зовешь,
Не найдешь живого пальца,
Полмизинца не найдешь.

Целый мир им будь поставщик;
А радеть-ли о другом —
Каждый пальчик и суставчик
В них разбит параличом.

Если ж где тобой замечен
Случай пользы дань принести —
Но, забыв, что ты увечен,
Помнишь ты, что совесть есть.

А когда сведешь с кем дружбу,
С другом связь твоя крепка:
И на дружбу и на службу
Горяча твоя рука [4, с. 11 — 13].

Вяземский вновь возвращается к одическому восхвалению, причем если в предыдущем фрагменте, посвященном гибели солдата, звучит плач по павшим воинам, то здесь, наоборот, автор возносит хвалу всей русской армии, солдаты которой проявили лучшие черты на поле боя — взаимовыручку, способность помочь товарищу, оказавшемуся в беде, бесстрашие перед смертью и смелость. В лице Бибикова, с которым герой «побратался» «за кровавой чашей» Бородинского сражения, показано все доблестное русское воинство с его высоким моральным духом. Интересно, что Вяземский превращает образ оторванной ядром руки в целый символ, который искусно раскрывает. Он противопоставляет однорукого товарища, спасшего ему жизнь, многим двуруким людям, которые думают только о себе и не протянут попавшему в беду человеку и полмизинца. Этот фрагмент посвящен дружбе, мужеству и истинному патриотизму воина, отправившегося воевать «за Святую Русь».

По итогам нашего исследования мы можем сделать следующие выводы. Стихотворение П. А. Вяземского «Поминки по Бородинской битве» сочетает в себе черты двух диаметрально противоположных жанров — оды и элегии. Причем жанровая природа стихотворения обуславливает и его структуру. Несмотря на то что формально в миниатюре четыре части, по жанровой монолитности она состоит из трех: одическая (1—2-я части) — элегическая, своеобразный похоронный марш (3-я часть) — одическая (4-я часть), что напоминает структуру классической сонаты¹. В этом стихотворении Вяземский использует многие черты, характерные для произведений обоих жанров в русской литературе.

С батальной одой стихотворение сближают такие черты, как восхваление великого исторического события и полководцев, деление героев на положительных и отрицательных (Кутузов — Наполеон), некоторые риторические приемы и красочное описание битвы. Но вместе с тем его автор был непосредственным участником Бородинского сражения, в результате чего текст приобретает документальность, которая подтверждается переключками с мемуарами поэта, написанными тогда же и помещенными в книгу сразу после стихотворения. Этим фактом обусловлены простой солдатский язык и почти полное отсутствие словесной орнаментики, столь характерной для од Державина или Ломоносова, а также документальный характер оды, делающий ее более реалистичной и живой. Вяземский восхваляет подвиг русских солдат и такие черты воина, как отзывчивость, взаимовыручка, патриотизм, преодоление страха смерти и готовность сражаться за Отчизну. Используя книжные слова и выражения (рать, дружина, святая Русь, витязь), поэт объединяет подвиг современных ему солдат с победами времен Древней Руси.

Но средняя часть этого эпического произведения являет собой настоящий похоронный марш, элегию по убитому воину, другу поэта, погибшему в Бородинской битве. В этой части стихотворения допустимо говорить о сочетании двух видов элегии: кладбищенской и на смерть. Это связано с тем, что в стихотворении оплакивается не только товарищ по-

¹ Такая структура характерна для «большой» сонаты №12 ля-бемоль мажор Людвига ван Бетховена, состоящей из четырех частей, третьей (серединой) из которых является знаменитый похоронный марш.

эта, но и все павшие на поле Бородинской войны. С элегией стихотворение роднит его размер — четырехстопный хорей, который в классической традиции выступал как «падающий» трагический. Причем этот размер встречается у Вяземского во многих элегических произведениях, близких по содержанию к рассмотренному нами стихотворению, в котором четырехстопный хорей используется также для имитации чеканного солдатского шага, ритма военного марша. Таким образом, «Поминки по Бородинской битве» — масштабное эпическое произведение, которое является полижанровым текстом. В этой лирической эпопее поэт почти оксюморонно соединяет столь разные жанры для убедительного и реалистичного описания героического, трагического величайшего события в истории России.

Список литературы

1. *Алексеева Н.Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005.
2. *Боковня А.Р.* Поэтическая рефлексия П.А. Вяземского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
3. *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Словарь поэтического языка П.А. Вяземского. М., 2015.
4. *Вяземский П.А.* Поминки по Бородинской Битве и Воспоминания о 1812 годе. М., 1869.
5. *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1958.
6. *Вяземский П.А.* Соч. : в 2 т. М., 1982.
7. *Гаспаров М.Л.* Семантический ореол пушкинского четырехстопного хорея // Ruthenia. URL: [https://www.ruthenia.ru/document/526619.html#\(*\)](https://www.ruthenia.ru/document/526619.html#(*)) (дата обращения: 17.10.2022).
8. *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л., 1957.
9. *Карнишина Л.М.* П.А. Вяземский и А.С. Пушкин. Остафьево, 2008.
10. *Козлов В.И.* Русская элегия неканонического периода. Очерки типологии и истории. М., 2013.
11. *Лазарев В.В.* Поэзия П.А. Вяземского на пути к постижению непознаваемого // Философия и культура. 2017. №6. С. 90—109.
12. *Лебедев А.А.* Поэтический синтаксис П.А. Вяземского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.
13. *Ломоносов М.В.* Избр. произведения. Л., 1986.
14. *Медведева В.М.* Подвиг Петра Вяземского в Отечественной войне 1812 г. // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества : материалы междунар. науч.-практ. конф. Уфа. 2017. С. 38—40.
15. *Митрофанова О.И.* Базовые концепты русской ментальности в поэтическом языке П.А. Вяземского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006.
16. *Пушкин А.С.* Собр. соч. : в 10 т. М., 1960.
17. *Ратников А.Н.* Батальная лирика Г.Р. Державина в свете панегирических традиций в русской литературе XVIII в. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, №2. С. 126—131.
18. *Степанищева Т.Н.* Построение «Пушкинской» эпохи по Вяземскому // Пушкинские чтения в Тарту — 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л.И. Вольперт : сб. ст. Тарту, 2011. С. 207—223.
19. *Тарановский К.Ф.* Русские двусложные размеры. М., 2010.

20. Шохина Е. В. Ситуация поэтического вдохновения в зимней лирике поэтов пушкинской поры // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2016. Т. 26, №5. С. 106–110.

21. Экиют С. Он взял бы Пушкина в разведку // Родина. 2022. №7. С. 34–40.

Об авторе

Глеб Максимович Маматов — асп., Новосибирский государственный педагогический университет, Россия.

E-mail: g.m.mamatov@yandex.ru

74

G. M. Mamatov

GENRE SPECIFIC OF THE POEM BY P.A. VIAZEMSKY “COMMEMORATION OF THE BATTLE OF BORODINO”

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Received 17 October 2022

Accepted 26 November 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-6

To cite this article: Mamatov G.M. 2023, Genre specific of the poem by P.A. Viazemsky “Commemoration of the battle of Borodino”, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 60–74. doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-6.

The article focuses on the genre characteristics of P. A. Viazemsky’s miniature “Commemoration of the battle of Borodino”. Connections of the work with genres of an ode and an elegy are explored. The poem contains in itself elements of traditional ode of the Classicism epoch and largely intertwine with poetic of battle ode, this is largely about praise of the great historical event and Russian arms (Battle of Borodino) and commanders (Miloradovich and Kutuzov), colorful description of the battle, many tropes and figures (rhetorical exclamations, metaphors), image of lyrical hero-observer, the effect of presence, epic narration. Meanwhile, the poem is not so much dedicated to the great battle, but to the death of a poet’s friend and fallen warriors. Theme of death is central in the poem by Viazemsky, and many elements of work are close to the genre of elegy on death. It is important to note that the poem “Commemoration of the battle of Borodino” can be regarded as a documentary poem, reflection of the poet-soldier, later described in his memoirs “Memories of 1812”.

Keywords: P. A. Viazemsky, ode, elegy on death, memoirs, genre, battle poetry, classicism, metaphor

The author

Gleb M. Mamatov, PhD Student, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia.

E-mail: g.m.mamatov@yandex.ru